

лись **лишним звеном, тормозящим развитие хозяйственной системы**. Они владели промышленностью – но нормально распорядиться ею не могли. Потому что управленцу, с одной стороны, требовался хозяйственный опыт и деловая хватка – которых у вчерашних революционеров не было. С другой стороны, была нужна материальная заинтересованность, которую не допускали принципы господствующего учения об уничтожении частной собственности. Получается, что реальная материальная заинтересованность, т.е. свобода предпринимательства, неизбежно ведет к расслоению. Расслоение – к восстановлению и укреплению частной собственности. Частная собственность, если дать ей развиваться, совершит переформатирование всей хозяйственной и социальной системы, обеспечит экономическую самостоятельность значительных слоев населения, причем наиболее активных и деятельных, что приведет последних к отстаиванию ими собственных социально-политических интересов.

Возникла предельно простая альтернатива. Либо остается монополия большевиков, – тогда необходимо лишить крестьян частной собственности на землю. Либо экономически свободное крестьянство остается, но тогда в самом скором времени монополярная власть большевиков прекращает свое бытие. Развязка назревающего политического кризиса большевистской системы, сложившейся к концу 1920-х годов, получила название – коллективизация. По своей сути коллективизация являлась **продолжением не завершенной гражданской войны**.

Глава 2.

Кризис большевизма в условиях НЭПа и партийная дискуссия вождей.

Завершая тему торговли, теперь уже внешней, которую в СССР вел Внешторг, обеспечивая реализацию принципа государственной монополии внешнеторговых операций, Е.Преображенский так описывал работу этой системы:

«При нашей весьма **скверной и дорогой машине** обмена сплошь да рядом вся (в процентном отношении часто огромная) разница между ценами покупки и продажными ценами на внешнем рынке целиком составляет так называемые накладные расходы, причем **чистая прибыль равна нулю**».⁽¹⁵⁾

Представляете, какими были бы итоги работы государственных торговых структур при отмене их монопольного положения? Если эти государственные предприятия были бы поставлены, как положено в нормальной хозяйственной системе, в равные, или хотя бы в сопоставимые условия работы с предприятиями частной торговли?

Разумеется, это не смущает марксистского теоретика, у него другие цели и задачи, а именно борьба с ненавистным капитализмом, «создание сети органов торговли, обслуживающей государственное хозяйство и обеспечивающей оттеснение частного капитала с решающих позиций в экономической борьбе». Автор убежден, что:

«... узко коммерческий, навеянный наблюдениями над частным капиталом, взгляд на все процессы внутри государственного хозяйства сильнейшим образом мешает пониманию самого существа социалистической формы хозяйства на ее первых ступенях и сбивает часто практически на совершенно ложный путь. За несовершенством того или иного аппарата часто не видят огромной важности этого аппарата во всей системе государственного хозяйства. И в данном случае крайняя невыгода, с коммерческой точки зрения, ряда наших торговых госорганов говорит за необходимость рационализации этой работы, а не за замену этих органов органами частными, которые «выгодней». Они выгодней, если на невыгоды социализма в его первой ста-

дии смотреть с точки зрения капитализма, вместо того, чтобы «выгоды» капитализма (к которым неизбежно должны быть причислены и кризисы, и войны и т.д.) оценить с социалистической точки зрения, даже и тогда, когда на отдельном участке капиталистическая форма имеет преимущество».⁽¹⁶⁾

Для марксистских схоластов не существует реального мира и живого человека, в его неповторимости и сложности, многогранности его творческих начал, требующих возможности свободы выбора, обязательных родственных привязанностей и традиций национального единения, в том числе проявляющихся в определенных формах ведения хозяйства, например, артельным или семейным способом. Вся эта многоцветная пестрота настоящей жизни, рассматриваемая теоретизирующим догматиком сквозь иссушающие линзы тощих марксистских дефиниций, выхолащивается до пустой, безжизненной схемы, упрощающей мир до предельного примитива, по сути – карикатуры.

Эта тупая «теоретическая отвлеченность» революционера не просто «не видит» реальности, взаимосвязанности сложных, не всегда наглядно очевидных процессов, невозможности уложить жизнь в прокрустово ложе куцега умозрения самонадеянных дилетантов. Постулаты, которым служит революционный разум, эту самую живую органику действительности ненавидит всем существом своей иссушенной завистью души; завистью к тем, кто умеет творить, может организовывать созидательные процессы, рождать новые идеи и практики хозяйствования – и при этом не нуждается в надсмотрщике со стороны прикрывающейся интересами народа государственной бюрократии.

Поэтому революционер-догматик требует: никакой частной собственности, никакого соревнования, никакой конкуренции, никакой независимости, все заковать в жесткие правила, ограничения, запреты и под мой полный контроль! Современному человеку все это очень понятно, потому что наглядно. Из коммунистической монополии неизбежно вытекают следствия:

Любовь революционера – это ненависть.

Забота революционера – это кандалы.

Идея справедливости революционера – это рабство.

Судите сами:

«Если Внешторг ввозит из-за границы сахар, обувь и т.д., – рассуждает Е.Преображенский – поскольку продукции собственного производства не хватает, то разницу между ценами внутреннего рынка и покупной ценой за границей заплатит потребитель и получают государственные органы. Даже если эту разницу выплачивает рабочий, то и в данном случае мы будем иметь увеличение доходов и накопления государства, **хотя и за счет сокращения реального потребительского бюджета рабочего класса**».⁽¹⁷⁾

Нужно отдать должное коммунистической номенклатуре. Она смогла реализовать на практике первоначальное социалистическое накопление. Минимизировав потребление нескольких поколений, коммунистическая власть к 1960-1980-м годам создала гигантский индустриальный комплекс, чаемое государство-фабрику, и уперлась своей образиной в то же самое, что было очевидно и в первые годы советской власти. Что без материальной заинтересованности и предпринимательского таланта, вся эта воплощенная в металле индустриальная гигантомания является просто грудой металлолома, поедающей ресурсы, силы и время. Всем вмняемым людям и в 1920-е годы было понятно, что без конкуренции среди производителей, без не-

посредственной зависимости производственного комплекса от нужд и запросов потребителя, в принципе невозможно нормально удовлетворять «все возрастающие потребности этих самых потребителей». Обещать – можно. Удовлетворять – нет.

Теоретические изыскания коммунистических начетчиков сыграли пагубную роль в истории нашей страны. Практика свободного рыночного хозяйствования и обеспечивающийся частной собственностью уровень гражданских свобод, в конце концов, позволил индустриально развитым странам, прийти к типу многоукладной экономики, сочетающей в себе преимущества разных форматов и организационных форм, частных и государственных. Тупой догматизм революционеров отрицал возможность многоукладной экономики даже теоретически. Преображенский заявляет по этому поводу:

«Цены на продукты госпромышленности калькулируются таким образом, что при обмене продукции этой промышленности на продукты частного хозяйства происходит обмен эквивалентов, т.е. ни одна из систем хозяйства не эксплуатирует другую. Такое положение возможно лишь как весьма кратковременный эпизод. Считать такое положение нормальным – значит считать, что социалистическая система и система частнотоварного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна система должна пожирать другую».⁽¹⁸⁾

И еще: «Если капитализм есть движение, то социализм есть еще более быстрое движение. И то, что он теряет в скорости развертывания своей технико-экономической базы, благодаря крайней бедности капиталами, – то он вынужден возмещать усилением накопления за счет несоциалистической среды... Одним из важнейших средств такого накопления... является неэквивалентный обмен ценностей с несоциалистической средой. Этот обмен с активным балансом на стороне социалистической формы возможен лишь при существующей политике цен на продукты государственной промышленности... Таким образом мы переходом к неизбежному в наших условиях – к политике цен, сознательно рассчитанной на эксплуатацию частного хозяйства во всех ее видах... [Однако поскольку] ... государство является монополистом не во всех отраслях промышленности... политика цен должна быть рассчитана таким образом, чтобы государственное накопление не влекло за собой автоматически частнокапиталистического накопления. Я не говорю здесь, наконец, о затруднениях политического свойства, вытекающих из взаимоотношений рабочего класса и крестьянства и вынуждающих часто говорить об эквивалентном обмене, хотя последний является при социализации крупной промышленности еще большей **утопией**, чем при господстве монополистического капитализма».⁽¹⁹⁾

Цинично, но честно.

Далее по тексту автор обильно цитирует К.Маркса и приводит примеры жесткой эксплуатации рабочих в период первоначального капиталистического накопления, косвенно, не явно, как бы вскользь, оправдывая аналогичное положение и при накоплении социалистическом. В связи с этим только одна реплика. Почему-то марксисты, обличая жестокости капитализма, которые, разумеется, были, особенно в период первоначального накопления – хотя приводимое в качестве примера ого-раживание в Англии непосредственно относится не столько к капиталистам, сколько к старому дворянскому сословию, являющемуся монопольным собственником земельной собственности – упорно замалчивают опыт индустриализации, скажем,

США? Замалчивание очевидно, ведь сравнив положение рабочих в тех же Англии и США, придется признать, что материальное состояние наемного работника, в значительной степени, зависит от спроса и предложения на рабочую силу. И если спрос на работников превышает предложение, как это было в период индустриализации в США, – заработная плата рабочего, разумеется, подкрепленная мощным индустриальным развитием, значительно повышается.

Включение в марксистский анализ истории развития капитализма в США, подвешивало все прогнозы и теоретические постулаты революционеров в воздухе, допуская широкий спектр альтернатив при изменении вводных, на которых функционирует та или иная экономическая система. Для социалистов всех мастей – это равносильно смертному приговору, потому что отмечает **предопределенность коммунистической перспективы** и весомо аргументирует вариативность социально-экономического развития в рамках капиталистической системы. Поэтому история развития промышленности в США мало кого интересовала на континенте, а все сводилось к неповторимости исходных условий в Америке, если сравнивать с Европой. В этом есть доля истины. Однако, что характерно, условия развития промышленности в США XIX века имели множество параллелей с условиями, имеющимися в начале XX века в Российской империи: огромная территория, несметные природные богатства, передовая наука, быстро растущее население, и, соответственно, интенсивно расширяющийся внутренний рынок.

В 1920-е годы, пока еще не сложился официальный канон истории большевизма, октябрьские события назывались не революцией, а переворотом. Революцией считался Февраль, а Октябрь понимали как пролетарское продолжение буржуазной февральской революции. Большевики долгие годы все ждали, когда же пролетариат Европы последует примеру ленинской партии и совершит победоносное шествие в Германии, Англии, Венгрии и других странах? На дальнейшем рассуждении Преображенского очевиден весь цинизм и дебильность исповедуемого большевиками революционного учения. Изречение этого теоретика также позволяет правильно оценить догматизм марксизма-ленинизма, хотя бы на примере таких затасканных понятий, как «объективные законы» истории или «историческая неизбежность» Октябрьской революции. После чего взвесить на весах ту цену, которую пришлось заплатить нашему народу за все эти «предопределенности» и «неизбежности». С точки зрения опыта, которым мы сегодня все-таки обладаем, это сделать не сложно.

«... социалистическое накопление может вообще начаться только после пролетарской революции, тогда как процесс первоначального капиталистического накопления начинается и протекает до буржуазных революций. В одних странах он находится в полном разгаре во время этих революций (Англия, Франция), в других он уже к этому моменту пробежал все свои главные ступени (Германия). *За самую возможность приступить к переустройству всей экономической системы буржуазии не приходилось платить той дани, в виде разрушенных производительных сил и истребления старых запасов, чего требует пролетарская революция и гражданская война XX века.* Мы не знаем, во что обойдется в других странах завоевание власти пролетариатом, но у нас это завоевание **обошлось так дорого**, что накопление на производственной основе не могло даже сразу начаться».⁽²⁰⁾

Характерно, что большевик озабочен потерями производственного потенциала, но даже мельком, мимоходом не отмечает, какие людские жертвы принесла граж-

данская война, ведь от болезней и голода погибло многократно больше людей, чем от террора, всевозможных репрессий и непосредственных боевых действий воюющих сторон. Автор правильно констатирует, что в результате гражданской войны и большевистских экспериментов с национализациями, экспроприациями, «военным коммунизмом», который пришлось все-таки отменить, страна была разорена дотла.

Для более наглядной иллюстрации этого разорения России, которое, – и это главное, – было **рукотворным**, носило доктринальный характер, а не являлось результатом каких-то непреодолимых обстоятельств, дадим объемную фактическую панораму, изложенную ярким поклонником Сталина, – историком Ю.Жуковым:

«После Октябрьской революции большевики-утописты сочли, что создана идеальная возможность для мгновенного прыжка в ... коммунизм. Запретили торговлю. Всю. Ввели продразверстку – принудительное изъятие у крестьян «излишков». Полученное в деревне, таким образом, продовольствие стали распределять в городах пайками. Бесплатно. Как и ширпотреб, который все еще оставался на национализированных оптовых складах. Сделали бесплатными жилье, коммунальные услуги, медицинское обслуживание, ясли и детские сады, среднее и высшее образование, проезд на всех видах транспорта. Такая политика и получила название «военный коммунизм».

Однако страна не выдержала эксперимента. Оказалась на грани полного краха. И тогда, весной 1921 года, по предложению Ленина перешли к НЭПу. К новой экономической политике, объявленной всего лишь временным отступлением от уже завоеванных позиций. До победы мировой революции, которая должна была наступить непременно и очень скоро.

Восстановили в правах торговлю. Для крестьян, отменив продразверстку, заменив обычной налогами. Для горожан, позволив тем, кто сохранил средства, открыть магазины, кафе, рестораны. Прежнюю натуральную плату труда заменили денежной. Начали восстанавливать легкую промышленность, а тяжелую и добывающую решили передать в концессии иностранным фирмам, понадеявшись на инвестиции.

... Миновало два года, но *мировая революция почему-то не начиналась.* И все *проблемы экономики теперь приходилось решать самим, к чему советское руководство оказалось неготовым».*⁽²¹⁾

То есть люди шли к власти, даже не предполагая каким-то образом управлять экономикой страны, рассчитывая на **«мировую революцию, которая все как-то устроит»**. И историк вынужден признать что «военный коммунизм» проистекал не из потребностей военного положения, а именно из коммунистической **утопии**. Иначе с завершением гражданской войны экономическая политика была бы изменена. Однако отказ от принципов «военного коммунизма» произошел только после массовых крестьянских восстаний по всей стране.

Далее Ю.Жуков описывает бедственное состояние страны: «...численность рабочих, занятых в промышленности, в 1921/22 бюджетном году составила 1 243 тысячи человек, или всего 48% от довоенной, а в следующем лишь чуть возросла – достигла 1 452 тысячи... [Произошло] сокращение числа действующих заводов, фабрик, шахт, рудников. Из 13 697 национализированных в 1918 году предприятий пять лет спустя около трети бездействовали, еще около трети оказались в аренде у частных-нэпманов, работали же всего 4 212. Мало того, 3 470 из них, наиболее крупные, с 881 806 рабочими объединили в 426 трестов, не столько управляющих ими, сколь-

ко занимавшихся сбытом продукции, завышая на нее цены ради извлечения максимальной прибыли...

Такое положение и предопределило спад производства. Если в 1912 году в стране выплавляли 232,3 млн.пудов чугуна, то в 1921/22 – всего 10,4 млн., то есть 4,5%. Стали выплавляли соответственно 243,1 и 19,4 млн.пудов, проката давали 202,9 и 15,8 млн.пудов, выпуск паровозов сократился с 660 штук в 1912 году до 115 – в 1921/22, вагонов с 10,3 тыс.штук до 880. Тот же спад наблюдался и в горнодобывающей промышленности. Угля добывали в 1913 году 2 150 млн.пудов, а в 1921/22 – 588,8 млн., железной руды – 532 млн.пудов и 10,8 соответственно. Лишь добычу нефти удалось в том же 1921/22 году довести до 25 млн.пудов по сравнению с 46 млн. 1913 года.

Но тем бедствия, обрушившиеся на промышленность и рабочих, не ограничивались. Свою лепту вносил и Наркомат внешней торговли (помните констатацию Е.Преображенского: от коммерческой деятельности Внешторга остается ноль прибыли – **прим. наше**). В начале 1922 года большую часть выручки, полученной от экспорта хлеба (напомним – в это время в стране бушевал жуткий голод, с массовыми случаями людоедства, умирали миллионы людей – **прим. наше**), он потратил на то, без чего могли обойтись. Заключил 22 договора с зарубежными фирмами на общую сумму **300 миллионов золотых рублей**, чтобы приобрести то, что с большим успехом и гораздо дешевле могла произвести отечественная промышленность: рельсы в США, паровозы в Швеции, железнодорожные цистерны в Великобритании и Канаде.

При проверке... обнаружили вопиющие факты. Все заказанное за границей Наркомвнешторгом, с успехом могли поставить, и по куда более низкой цене, отечественные заводы: Сормовский, Брянский, Луганский, Коломенский, Днепровский, Донецк-Юрьевский, иные».⁽²²⁾

Для чего здесь приведены столь объемные выписки о реальных событиях начала 1920-х годов? Это сделано для того, чтобы продемонстрировать очевидность, скрываемую продажными советскими историками в течение почти столетия контроля над исторической памятью. Гуманитарные слуги коммунистического режима глали, наполняя книги, журналы, лекции, музеи, кинофильмы вымыслом, внушая нам, что власть в 1917 году взяли не проходимцы и самозванцы, а преданные интересам народа герои, которые желали самоотверженным... и прочее и прочее в этом духе. Если партийными лидерами двигала бы реальная забота о народе, они не мучили бы его своими дикими экспериментами, своей бесхозяйственностью, бредовыми фантазиями и глупыми расчетами.

Короче говоря – освободили бы народ от своей никчемной власти.

Однако на практике ничего подобного не происходило. Партийные вожди занимали бывшие усадьбы и дворцы, разъезжали по санаториям и курортам. Активно набивали собственные карманы (в смысле – сейфы) золотом и валютой, уворованной самыми разнообразными способами. С огромным интересом погружались в концессионные соглашения с иностранными фирмами, то есть представителями **вражеско-го капиталистического окружения**. Вообще, очень гибко подходили к вопросам, касающимся обеспечения личного благосостояния. В то же время, требуя от народа революционной сознательности и коммунистического отношения к трудовой повинности – то есть много работать и меньше есть.

Управленцы этажом ниже прекрасно устроились в руководящих кабинетах трестов, губкомов, заготовительных обществ, чекистских кабинетов, наплодили бесчисленные Коммунистические академии да Институты красной профессуры и прочие

хлебные места, куда гурьбой поперли все эти «пламенные революционеры и «старая гвардия». Эта наглость, в первую очередь, и возмутила рабочих в реалиях НЭПа. Партийные чинуши трубят о коммунизме, приоритете общественных интересов над интересами личными, надрываются на митингах и собраниях, обличая несознательные элементы, не желающие становиться рабами, бесплатной рабочей силой нового эксплуататорского класса, буквально голодая и прозябая в нищете со своими семьями.

Ни для кого не было секретом, что даже в 1925 году средняя зарплата в промышленности, составляла примерно половину от довоенной, еще в Российской империи. А в это время «борцы за счастье трудового народа» загребали все, что плохо лежит, совершенно равнодушно наблюдая за неустроенностью народа, вызванного именно их, этой новой власти, действиями или бездействием.

На фоне вышеизложенного, неадекватность оторванных от жизни теоретиков-фанатиков, каким, безусловно, являлся и Е.Преображенский, иллюстрируется еще и таким его теоретическим пассажем, когда автор спокойно рассуждает о перспективах «скорой пролетарской революции в странах Западной Европы», как это виделось-бредилось большевикам:

«...В этом смысле период первоначального социалистического накопления с ему свойственными законами будет неизбежен не только для таких отсталых крестьянских стран, как СССР, но и для социалистического европейского хозяйства Европы, поскольку теперешнее европейское хозяйство (**даже без предстоящих ему разрушений гражданской войны**) экономически и технически слабей хозяйства капиталистической Северной Америки. Только в более передовых промышленных странах первоначальное социалистическое накопление будет базироваться в гораздо большей степени на прибавочном продукте рабочих, чем на ресурсах, получаемых от до-социалистических форм производства в Европе и колониях».⁽²³⁾

Может быть «мистический эгрегор» пролетариата Европы услышал рассуждения этого маньяка, который спокойно вещал о скорой гражданской войне и ее предстоящей экономической борьбе с Америкой? А также сообщал «несказанную радость» о том, что рабочим предстоит стать источником «первоначального социалистического накопления»? И осознав не столь радужные «перспективы» от возможных социальных потрясений, «дух европейского пролетариата» решил не идти по пути своего превращения «в мясо революции»? И ведь что удивительно: все эти радужные перспективы ожидалось, фактически, только ради того, чтобы такие же полоумные фанатики, подобные нашему безмозглому профессору, засели в правительственных кабинетах Европы?

Почему именование Е.Преображенского «безмозглым профессором» не является оскорблением? Читаем его труд далее:

«Одним из интереснейших вопросов теории советского хозяйства является вопрос о том, как, в каких конкретных формах будет **происходить вытеснение** исторически более высокой социалистической системой хозяйствования всех досоциалистических форм. Проблема, расчлняется, кроме того еще и так: чем методы борьбы социалистической формы с частным хозяйством в период предварительного социалистического накопления будут отличаться от методов борьбы в период подлинно социалистической промышленности и, во-вторых, какая разница во взаимоотношениях социалистической формы, с одной стороны, с капиталистической, с другой стороны – и мелким товарным производством».⁽²⁴⁾

В какой форме произошло вытеснение из этой жизни самого Е.Преображенского – нам известно. Он был обвинен в руководстве «Молодежным троцкистским центром» и участии в контрреволюционно-террористической организации и 13 июля 1937 года решением Военной коллегии ВС СССР приговорен к расстрелу, который в тот же день был приведен в исполнение. В 1988 году был реабилитирован Пленумом ВС СССР, а в 1990 году Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС восстановлен в рядах этой партии. Разумеется, посмертно.

На вопрос же о том, *«в каких конкретных формах будет происходить вытеснение исторически более высокой социалистической системой хозяйствования всех досоциалистических форм»*, исчерпывающий ответ будет дан ниже.

Не видеть радикальное расхождение между провозглашаемой теорией социалистического строительства и окружающей действительностью, не мог, конечно, и такой до мозга костей революционный деятель, как Е.Преображенский. И, соответственно, он реагировал на этот диссонанс в своей статье:

«Вульгарное представление, согласно которому социалистическая форма уже в первый период ее существования побеждает капиталистическую в конкурентной борьбе так же, как капиталистическая фабрика побеждала ремесло, представляет из себя грубую, **поверхностную, некритическую аналогию** с прошлым. Эта аналогия не освещает вопрос, а затемняет всю проблему».⁽²⁵⁾

Вот и все доказательство – возбудился, возмутился, наклеил ярлычок – и пошлепал дальше...

Завершая рассуждения о причинах меньших издержек частной торговли перед государственной, Преображенский мимоходом заметил частность, которая многое проясняет в вопросе, чем же социалистическая система отличается от капиталистической? Система, где есть хозяин, – от системы, где хозяина нет? Как это не удивительно на первый взгляд, но в системе с частным интересом собственника, может быть доверие между владельцем и наемным работником. А вот в социалистической модели никакого доверия в отношении материальных ценностей между государством и работником, который по теории и является главным в этом самом государстве, не может быть в принципе! Потому что без контроля все разворуют! Видимо из-за того, что «социализм является более высокой стадией развития человечества»...

Преображенский сообщает на этот счет: «При системе самоэксплуатации торговцев (в частном секторе – **прим. наше**), при отсутствии у них расходов на отчетность, при **личном доверии хозяина к служащим** (продукт приспособления потребностям капиталистических отношений), государственная торговля вряд ли будет когда-либо связана с меньшими издержками на единицу оборота».⁽²⁶⁾

Об этом *«продукте приспособления потребностям капиталистических отношений»* мы рекомендовали бы подумать всем тем, кто до сих пор ненавидит историческую Россию и с восторгом мечтает о том «потерянном рае», с их точки зрения, который сошел в мир иной вместе с их кумиром Сталиным. Вот уж был образец доверительного отношения к людям.

Закончить анализ главы Е.Преображенского «Основной закон социалистического накопления», хотелось бы выдержкой из книги **Ивана Лукьяновича Солоневича «Диктатура слоя»**, изданной в Буэнос-Айресе в 1956 году, через три года после смерти автора:

«В одной из своих книг, посвященных рождению, жизни и гибели философствующей интеллигенции, я предложил такую эпитафию на ее могилу: **«Здесь покоится**

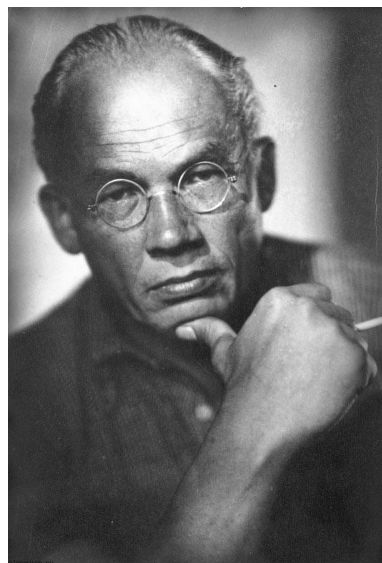

безмозглый прах жертвы **собственного словоблудия**». Эта жертва **собственного словоблудия** – именно она готовила революцию, а никак не народ. Подготовив революцию, жертва сбежала за границу, а народ остался. Над ним, над народом, веками и веками привыкшим к суровой дисциплине государственности, возник спланированный аппарат социалистической бюрократии, вооруженный всеми достижениями современной техники истребления и управления... русский социализм оказался для русского народа – для крестьянства, пролетариата, для «деловой интеллигенции» – совершенно неприемлемым. Германский социализм оказался приемлемым для процентов 90 германского народа, но оказался неприемлемым для соседей. Поэтому террор советской тоталитарной системы в основном был направлен против «внутреннего врага», а террор германского тоталитаризма – против внешнего. Поэтому же Германия не испытала ни гражданских войн, ни восстаний, ни всего того бескрайнего разорения страны, которое связано с нашей тридцатилетней гражданской войной».⁽²⁷⁾

Можно ожидать логичного возражения, что Е.Преображенский, конечно, долгое время был известным большевистским экономистом и занимал многочисленные посты в структурах управления, однако, насколько его теоретические установки были общи политическому руководству коммунистической партии? Ведь надо признать, что в начале 1920-х годов дискуссия в партии была еще возможна, за это соратники пока еще не ставили друг друга к стенке конвейерно-поточным способом. Насколько его пример типичен? Или его взгляды, может быть, отражают незначительную, маргинальную часть аппарата?

Набросаем штрихи для прояснения поставленных вопросов с помощью уже цитированного ранее историка Ю.Жукова. Когда большевики поняли, что страна погибает от холода и голода, а с расчетами на скорую пролетарскую революцию в Германии придется повременить, пришлось ввести НЭП, который вызвал практически непрекращающуюся внутривнутрипартийную дискуссию, которая продолжалась практически до конца 1920-х годов.

Рассмотрение всех перипетий между постоянно меняющейся конфигурацией группировок, ведущих смертельную борьбу за власть в партии и государстве, особенно после смерти Ленина, дело утомительное. С таким обилием пустопорожних словопроений на специфическом новоязе, не сравнится, наверное, никакой иной период истории нашей страны. Дело в том, что в 1920-е годы в стране регулярно происходили какие-нибудь массовые мероприятия, на которых болтали, болтали и снова болтали о прекрасном завтра. Бесконечной чередой проходили съезды, конференции, пленумы и собрания. Заседали центральные, республиканские, губернские, городские, районные структуры и органы. Обсуждали вопросы партийные, комсомольские, профсоюзные, советские и государственные учреждения и их представители. Приси-

Иван Лукьянович Солоневич (1891-1953) – русский публицист и общественный деятель, автор книг «Россия в концлагере» и «Народная монархия»

живали штаны партийные, хозяйственные, военные, общественные деятели, ученые и так далее. Совсем не лишне было бы задаться вопросом, – а когда, собственно говоря, эти люди работали? Или есть такая работа – не работать?

Часто лидеры партии использовали эти публичные трибуны, помимо печати, для декларирования своих взглядов, выяснения отношений, сведения счетов, с целью мобилизации сторонников и пропаганды в рабочей, партийной и чиновничьей среде. По неискоренимой профессиональной привычке словоблудия. И если свести эти бесконечные дискуссии к сути – то на повестке дня всегда стояли такие вопросы:

1) Каким образом в условиях «диктатуры пролетариата» (то есть партии – *прим. наше*), монополюно властвующей над всеми и умеющей только «отбирать и делить», но не работать, все-таки как-то изловчиться и добиться благоденствия? Ну, или на текущий период – хотя бы справиться с голодом и безработицей? И при этом не особо тратиться на подённую рабочую силу?

2) Как добиться того, чтобы люди работали за обещание, мечту о грядущем, за виртуальные лозунги справедливости, а фактически горбатились на государственный партийный аппарат, но с такой же самоотдачей, как будто бы они работают на самих себя?

3) Как развить порушенное хозяйство, хотя бы восстановив его до довоенного уровня, но без частной собственности, социального расслоения на умелых и неумелых, способных и неспособных, работающих и ленивых, даровитых и бездарных? И при обязательном сохранении партийной диктатуры большевиков, обеспечивающих это уравнильное хозяйствование?

На языке быта это выглядело следующим образом. Мы, партийная элита, сидящая в президиумах, до самозабвения верим в светлое завтра коммунизма, под поедание икорки, балычка и коньячка. И вы, работающие на полях, шахтах, заводах и фабриках, должны также проникнуться этой верой в *светлое будущее*, но получая за свой труд лишь скудную пайку хлеба. При этом работать вы должны старательно, проявляя материальную неприязнательность коммунистической сознательности. Вот как бы добиться всего этого одновременно, достигнув такого комфортного для номенклатуры состояния сознания людей?

По большому счету, ничто другое партийную верхушку, не волновало. Все остальное – это рябь, белый шум, декларации, самолюбование, эпатаж, гневные обвинения или раболепное славословие. С неизменным памятованием о том, что надо успеть перегрызть горло соседу, иначе он сделает это с тобой. Складываются группировки, несмотря на запрет организации фракций внутри партии, примеряются на себя новые должности в иерархии властной пирамиды – но это внутри, за кулисами. Официально все «болеют за дело» и ищут решение проблемы, которую вполне обоснованно можно назвать «квадратурой круга».

Начиная с 1921г. хозяйственное развитие страны, как бы разделилось на два пути. Первый путь – это государственный сектор, включающий в себя большую часть промышленности (кроме частных кустарей и торговцев). Второй путь – частный крестьянский сектор, с минимальной, не более 1% долей колхозов и совхозов. Вот как описывает партийную дискуссию и борьбу за власть, происходящие в Советской России после введения НЭПа, в период с 1921 по 1925гг. историк Ю.Жуков.

Вот выступление Л.Троцкого в 1923г. «Троцкому пришлось признать, что кустарное, т.е. частное производство, дало продукции всего в два раза меньше, нежели государственное. Пояснил – последнее работало в убыток. Существовало за счет

не прибыли, которую следует считать главным показателем успешности, а бюджета, вернее за счет сельского хозяйства... Сложившееся положение Троцкий назвал «ножницами цен». Расхождение между завышенной в два с половиной раза рыночной стоимостью промышленной продукции, шедшей в деревню, и заниженной в два раза сельскохозяйственной».

Одновременно **М.К.Владимиров**, замнаркома финансов СССР – нарком финансов РСФСР, говоря о дефиците бюджета в огромную сумму в 220 млн.рублей (а фактически в еще большую), заявлял: «**У страны нет возможности содержать такой государственный аппарат** и такую государственную промышленность. Мы можем содержать только в таком случае, если расходы государства сократим на одну треть».

И одновременно с констатациями убыточности государственной промышленности и чрезмерном бюрократическом аппарате, констатируется рост производства в крестьянском частном секторе. Вот что заявлял **В.П.Ногин**, председатель правления Всероссийского текстильного синдиката: «... Почему хлеб так сильно упал в цене в этом году? Не потому, что мы были принуждены поднимать свои цены, а потому, что хлеб после голодного года появился на рынке в таком количестве, которое и создало низкие цены в то время, как основной, главный покупатель, всегда покупающий на рынке хлеб (т.е. государство), был снабжен наркомпродом из продналога, а экспорта не было».⁽²⁸⁾

То есть В.Ногин описывает ситуацию, когда политика «военного коммунизма» и принудительного изъятия «хлебных излишков» у крестьян, приведшая страну к страшному голоду и дефициту зерна, была отменена, а введение фиксированного продналога моментально обеспечило резкий рост производства хлеба в деревне. Причем, в выигрыше оказалось как государство, которое получило хлеб в рамках налоговых платежей крестьян, так и жители городов, поскольку возросло его предложение и у государства, и в частной торговле. Однако из-за тотальной некомпетентности и профессиональной несостоятельности государственной бюрократии (вечной проблемы этого слоя), не обеспечившей закупки возросшего объема зерна на свободном рынке для его экспорта и получения валютной выручки для страны, и поддержания рыночной стоимости хлеба в приемлемом ценовом диапазоне, – в относительном проигрыше оказался только крестьянин.

Проходит еще немного времени и Троцкий на очередном партийном форуме изрекает: «Мы еще будем бедны в течение целого ряда лет. Наша промышленность еще убыточна, а в наших руках только промышленность. Сельское хозяйство в руках крестьян, поскольку сельское хозяйство – совхозы – у нас тоже убыточны... Наш **бюджет насквозь дефицитен**, ибо наша промышленность и наш **транспорт дефицитны**».⁽²⁹⁾

Бедность не могла не вызвать недовольства рабочих в городах. Ю.Жуков говорит об этом в своей книге: «Дело в том, что верхушке партийного аппарата становится известен некий «Манифест» таинственной **«Рабочей группы**» с «Обращением» не менее загадочной группы «Рабочая правда».⁽³⁰⁾

Далее он излагает центральные положения разошедшегося по разным этажам партийного аппарата «Обращения» группы «Рабочая правда»:

«Что изменилось», – вопрошало «Обращение», – после Октября «в положении рабочего класса? Рабочий класс дезорганизован, в умах рабочих царит путаница – в стране ли диктатуры пролетариата, так неустанно повторяет устно и письменно ком-

мунистическая партия, или в стране произвола и эксплуатации, в чем убеждает их на каждом шагу жизнь. Рабочий класс влачит жалкое существование, в то время как новая буржуазия, т.е. ответственные работники, директора заводов, руководители трестов, председатели исполкомов (не правда ли, перечень весьма напоминает то, что видный югославский коммунист-оппозиционер **Милован Джилас** назвал в середине 1940-х годов «новым классом» СССР – Ю.Жуков) и нэпманы, роскошествуют и восстанавливают в нашей памяти картину жизни буржуазии всех времен».⁽³¹⁾

«Дало «Обращение» и еще более неприятную характеристику руководства:

«Коммунистическая партия, – утверждает оно, – партия рабочего класса, становясь правящей партией, партией организаторов и руководителей государственного аппарата и хозяйственной жизни на капиталистических началах, при общей отсталости и неорганизованности рабочего класса все бесповоротнее теряет связь и общность с пролетариатом. Советская, партийная и профессиональная (профсоюзная) бюрократия и организаторы государственного капитализма находятся в материальных условиях, резко отличных от условий существования рабочего класса». Те, кто писал «Обращение», не собирались спорить с кем-либо из руководителей РКП. Они просто **предлагали создать совершенно новую партию – Российскую рабочую»**.⁽³²⁾

В 1923г. объем промышленного производства оставался мизерным в сравнении с довоенным уровнем. Так, «промышленность СССР давала деревне ничтожное количество сельскохозяйственных машин: плугов 30,9%, борон – 21,1%, сеялок – 15,6%, жаток 10,6%, молотилок – 23,6% от выпуска 1913г. То есть промышленность оставалась пребывать в полуразрушенном состоянии. По этой причине в 1923г., на всех заводах и фабриках, шахтах и рудниках, на транспорте произошло 2596 стачек с 665 тыс. участников. Таким образом, пролетариат откликнулся на лозунги «Рабочей правды» и «Рабочей группы», настаивавших на восстановлении советов рабочих депутатов на предприятиях... Размах стачечного движения, особенно в августе 1923г., когда забастовки охватили всю страну, перепугали партийное руководство... ОГПУ производит аресты, за три месяца выявив 126 человек, принадлежащих «Рабочей группе» (Г.И.Мясников, Н.В.Кузнецов, Г.К.Шоханова и др.).

По показаниям Б.О.Одера, Кузнецов заявлял в своем кругу: «НЭП и государственный капитализм, осуществленный в республике, фактически приводит к эксплуатации рабочего класса государством, к выжиманию из рабочего прибавочной стоимости. Партия, ответственная за это, руководящая политикой государства, при таких условиях не может являться объективно защитницей интересов пролетариата. Внутри партии демократия отсутствует. Советский и партийный аппараты бюрократизируются».⁽³³⁾

В это же время «Прозябавшие в нищете рабочие были вынуждены наблюдать и иную жизнь – администрации своих предприятий. Грубой по отношению к ним, ведущей роскошную, нэпмановскую жизнь. Один из Обзоров ОГПУ (за 15 сентября – 31 октября 1923г.) констатировал: «На Симбирском патронном заводе наблюдается сильный антагонизм между ответработниками – коммунистами и спецами, с одной стороны, и рабочими – с другой. Партийные работники, «верхи», ведут себя нетактично. Пьянствуют на глазах всей рабочей массы, ездят на рысаках... вызывая острую неприязнь со стороны рабочих и партийных масс». Регулярно отмечали «Обзоры» и иное, не менее серьезное: хищения администрации предприятий, их непрофессионализм, вопиющую бесхозяйственность».

Это вело к росту забастовок и стачек. Так, в 1923г. забастовки только на государственных предприятиях составили 1788 случаев; в них приняли участие 600 тыс. рабочих.⁽³⁴⁾

Таким образом, реальная экономическая политика, проводимая большевиками, не устраивала и значительную часть рабочих, которые получали заработную плату в два раза ниже, чем она была до революции. Не говоря уже о дефиците товаров и продовольствия, обрекающего людей на нищету.

В январе 1924г. на проходящем пленуме партии выступал Пятаков, который заявлял: «Накопление частного капитала, развитие кустарной промышленности, укрепление частного капитала хотя бы в самой распыленной его форме – форме кулацкого и мелко-торгового капитала в деревне на базе развития товарного крестьянского хозяйства может привести в конце концов, к прочной экономической смычке частного капитала с крестьянским хозяйством, что и создаст фактическую крепкую базу для развития частнокапиталистической системы, вырывая почву из под ног социалистической системы... Словом, **либо НЭП, либо «военный коммунизм»**».⁽³⁵⁾

Еще за год до вышеописанных событий, на фоне растущей безработицы и числа забастовок, чуткий к вопросам политической борьбы В.Ленин, пишет ряд статей, в которых предлагает свое решение смертельно опасных для большевистской диктатуры проблем.

«25 января 1923 года была опубликована статья В.Ленина *«Как нам реорганизовать Рабкрин»*, в которой подвергались критике работа и советского и партийного аппарата. В качестве рецепта выхода из кризиса еще живой вождь мирового пролетариата предлагает своим соратникам из ЦК и Политбюро: *«...съезду выбрать 75-100 новых членов ЦКК из рабочих и крестьян... со всеми правами членов ЦК, часть из которых должна присутствовать и на заседаниях Политбюро»*».⁽³⁶⁾

Сложно сказать, на что на самом деле рассчитывал вождь мирового пролетариата, который уже отошел от политической деятельности и доживал на этом свете последний год жизни. Реально считал, что пусть и отобранная бюрократией, но численно преобладающая группа рабочих и крестьян, пусть и не искушенная в политических хитросплетениях подковерных разборок, сможет сдержать схватку номенклатурных бульдогов на политическом Олимпе диктатуры большевиков? Или хотел использовать этот шаг всего лишь в качестве демонстрации еще большего углубления «партийной демократии»? И первое и второе – наивно, поэтому, скорее всего, эти показатели безнадежности. Впрочем, сегодня это не имеет никакого значения.

Какова же была реакция партийного ареопага на критику В.Ленина и его предложения, которые он изложил в ряде последних статей (впрочем, часть просоветских историков в последнее время оспаривает авторство этих статей не в пользу вождя).

Защищая партийную номенклатуру **Н.Бухарин** заявил в дискуссии, что: «Наши товарищи, переутомленные, работающие по восемнадцать часов в сутки исполкомщики, ответственные работники отнюдь не «новая буржуазия». Он же оправдывал монополию РКП на власть тем, что в ней «партия видит гарантию существования пролетарской диктатуры». Ну, а «сохранение и упрочение партийного руководства над советским аппаратом» служит надежным препятствием разлагающему влиянию НЭПа».⁽³⁷⁾

Участвуя в развернувшейся дискуссии **В.Осинский (Оболенский)**, заместитель председателя президиума ВСНХ, заявил: «Реформой, предложенной тов. Лениным, нынешние крупные недочеты в работе ЦК РКП устранены быть не могут». И изло-

жил свое видение решения назревших задач. Необходимо слить ПБ и ОБ в исполнительную комиссию ЦК численностью в 13-15 человек, причем не менее половины их должны быть и членами правительства. Сократить заместителей председателя СНК с трех до одного. И, самое принципиальное, превратить СНК в исполнительный орган, а законодательные функции оставить только за ЦИКом. Иными словами, отказаться на разделение властей, что отвергали в принципе основы советского строя.⁽³⁸⁾

«В. Ленин заявил в своей статье о плохой работе наркоматов и трестов, однако В. Осинский с ленинскими оценками причин не согласился, заявив, что главные причины две: «Первая – исключительное расстройство производительных сил страны в результате обеих войн, наша совершенно исключительная нищета. И вторая – нецелесообразное построение нашего аппарата в самой сердцевине, в центре». Иными словами, предложил реформировать не только ЦК и ЦКК, но и СНК, ЦИК.

Кроме того, продолжал В. Осинский, «надо также во многих случаях ставить инженеров непосредственно во главе целых заводов (в те годы предприятиями в обязательном порядке руководили только члены партии, не имевшие не только высшего, но и подчас даже и среднего образования, т.н. красные директора – Ю. Жуков.), нагружая их всей полнотой ответственности». Но тут же оговорился – «Однако нельзя: сделав это по всей линии, передать им решающее влияние в нашей промышленности в целом. Это было бы практически потерей руководящих позиций рабочей диктатуры в области экономики».⁽³⁹⁾

«Единственным решительным противником Ленина, – пишет в своей книге Ю. Жуков, – оказался только Л.Б. Красин. Выпускник харьковского Технологического института, много лет проработавший в немецкой электротехнической фирме «Сименс», после революции последовательно занимавший должности члена президиума ВСНХ, Наркома промышленности и торговли, путей сообщения, внешней торговли. Он ничем не рисковал, ибо с 1921 года, оставаясь главой Внешторга, являлся еще и полпредом и торгпредом в Великобритании. Находился в почетной ссылке, как Коллонтай, Крестинский – такие же, как и он, еретики.

Только он отважился сформулировать главный вопрос: «В чем основная задача советской власти в ближайший период? Не может быть двух ответов – в восстановлении экономики страны; **в увеличении производства**; в том, чтобы заработали полным ходом каменноугольные копи и нефтяные скважины; в том, чтобы железные дороги и водный транспорт подняли свою работу хотя бы до довоенного уровня..., чтобы наши крестьяне вместо наших 30-35 пудов хлеба с десятины производили довоенные 55, если не 120-150 пудов как на много худших землях производит крестьянин Германии и Дании. Удастся нам поднять производство, мы сделаем советскую власть несокрушимой и внутри, и извне».⁽⁴⁰⁾

«Наша главная беда», – продолжал Красин, что **этого «мы не можем, не умеем...** В этом – **самое слабое**, а вовсе не в том, что у нас нет достаточно хорошо построенного контролирующего аппарата... Контроль есть вспомогательная функция... По мере того, как производство совершенствуется, **контроль становится все менее и менее нужным**».⁽⁴¹⁾

И призвал: «**Максимум производства и минимум контроля – вот цель**, к которой мы должны стремиться». А три недели спустя, отвечая своему оппоненту Мартынову, уточнил: «Если мы окажемся банкротами в области производства, кредита и внешней торговли, никакая инспекция и никакой рабкрин или ГПУ нам не помогут. Крестьянство рано или поздно нас дезавуирует или весь наш аппарат будет засосан

тиной НЭПа, а гибель крупной промышленности превратит Россию в чисто крестьянскую страну, в которой власть может остаться советской только по имени».⁽⁴²⁾

Заметим мимоходом от себя: крайне занимательны, с точки зрения исторической криминалистики, рассуждения главы Внешторга Красина о том, что нужно «Максимум производства и минимум контроля...». Учитывая информацию Ю.Жукова о том, что Внешторг потратил кучу денег, фактически на какие-то коррупционные схемы, спустив всю выручку от продажи зерна на покупку продукции иностранных компаний, которую можно было бы произвести и самим. Правда, под контролем финансовых трат не Внешторгом, а других Наркоматов... Сомнительно, что Красин рулил всеми схемами единовластно, не согласовывая данных решений с государственными органами и возглавлявшими их руководителями. Но Ю.Жуков продолжает:

«Принимал активное участие в дискуссии по вопросам выбора пути развития большевистского государства и И.Сталин, заявивший: «Либо самый государственный аппарат, налоговый аппарат будут упрощены, сокращены, из них будут изгнаны воры и мошенники, и тогда нам придется брать с крестьян меньше, чем теперь и тогда народное хозяйство выдержит, либо этот аппарат превратится в самоцель..., и все, что берется у крестьянина, придется тратить на содержание самого аппарата, и тогда – политический крах».⁽⁴³⁾

Однако важна не эта банальщина, а, как всегда, мимоходом пророненное слово, которое зачастую дает для понимания сути дела больше, чем исписанные тома речей, выступлений, статей и книг.

«Завершая свое выступление, Сталин не побоялся сказать и о явно противоречащем предложению Ленина срочно выдвинуть несколько десятков простых рабочих и крестьян в ЦК, ЦКК для руководства партией и, следовательно, всем Советским Союзом. *«Гораздо легче*, – иронически заметил он, – *завоевать ту или другую страну при помощи кавалерии товарища Буденного, чем выковать двух-трех руководителей из низов*, могущих в будущем действительно стать руководителями страны».⁽⁴⁴⁾

Если это не цинизм, тогда что это? Политический реализм? Большевики прожужжали все уши об интересах народа, о пролетариате и рабочем классе, о советах и советской власти. О том, что «каждая кухарка будет иметь возможность управлять государством»... Понятно, что все это, так сказать, «предвыборные лозунги» и необходимая в тоталитарном государстве социальная демагогия, для ушей простодушных обывателей, коими значительное время были многие в нашей стране. А многие, к огромному сожалению, остаются таковыми и по сей день.

И.Сталин прямо здесь заявлял, что простые рабочие и крестьяне, коих предлагал включить в высшие эшелоны власти В.Ленин, – никто, и звать их – никак. Просто быдло, которое ничего не знает и не понимает. И времени тратить на них не стоит. Соответственно и делать им в нашем круге избранных, касте небожителей властной пирамиды – нечего. Расшифровывать данное заявление И.Сталина можно именно так, если не забалтывать суть вопроса.

Поэтому когда следующий оратор, слова которого мы приведем ниже, стал рассуждать о том, как же реально управляется партия (а на самом деле все государство), то в его недоуменном вопрошании был отображен весь последующий сценарий, по которому покатило развитие страны:

«**Ю.Х.Лутовинов**, председатель профсоюза работников связи, член президиума ВЦСПС, на том же 12 съезде РКП заявил: «Поскольку существуют все эти группировки, поскольку существуют все эти платформы (имеется в виду «анонимная платфор-

ма» некоей «Рабочей правды»), очевидно, основания для этого имеются. ... потому что в нашей РКП не существует возможности нормальным путем высказать свои соображения, точки зрения по тем или иным вопросам... Выходит, не вся партия, а только лишь **Политбюро является непогрешимым папой** – все, что я делаю, я делаю правильно, не смей возражать!».⁽⁴⁵⁾

Ну почему же? Возражать, конечно, можно. Только всех несогласных и недовольных, очень скоро, мудрый отец народов отправит к праотцам.

Тем временем каждый год увеличивал не только «ножницы цен» между товарами государственной промышленности и частного аграрного сектора, но и результаты работы этих, основанных на противоположных экономических принципах, секторов экономики России. Деревня уверенно шла к достижению уровня производства зерна, которое имела русская деревня до революции 1917 года. А промышленность, хоть и увеличивала показатели производства, была еще очень далека от довоенного уровня. Эти процессы находили свое отражение и в ходе партийной дискуссии.

«На 13 партконференции в январе 1924г. в своем докладе Рыков заявил: «Кризис, который мы переживаем, не есть кризис бедности или недостатка, а кризис перепроизводства. Кризис избытка крестьянского хлеба, который не может быть реализован на городском рынке, в результате чего низкие цены на хлеб и низкая покупательная способность крестьянства. Эта последняя определяет кризис сбыта предметов нашей промышленности»». ⁽⁴⁶⁾

Одновременно с этим Рыков заявлял: «Деревня с каждым месяцем предъявляет все больший **спрос на изделия промышленности**. И не только на предметы личного потребления, но и на средства сельскохозяйственного производства». На что другой партийный функционер добавлял: «Каково же положение промышленности? Тов. Рыков неоднократно уже приводил данные, что наша промышленность достигла примерно 35%, одной трети от довоенного производств... Но если вы возьмете не всю промышленность в целом, а только те предметы, что мы даем крестьянину, то она составляет одну четвертую, одну шестую довоенного производства... О каком перепроизводстве товаров при таких условиях может идти речь?».

В продолжение дискуссии, Пятаков утверждал: «Если мы своевременно не сумеем справиться с вопросами укрепления государственного хозяйства, если мы предоставим стихии НЭПа развиваться так, как она развивается до сих пор, то мы рискуем, что *в течение ближайших лет капиталистическое начало начнет «забивать» начало социалистическое*, т.е. начнет душить наше государственное и кооперативное хозяйство»». ⁽⁴⁷⁾

В мае 1924г. на XIII партсъезде Зиновьев доложил его участникам, сообщив, что в минувшем году экспорт хлеба составил **40 млн. пудов**, а в наступающем, по прогнозам, **должен увеличиться в 10 раз**. Объяснил и причину того. Посевные площади достигли 81% довоенных, то есть 70 млн. десятин, а валовый сбор – 72,5%, или 2,8 млрд пудов.

Выступающий на съезде Дзержинский сообщал: «Мы имеем в деревне **перенаселение** в смысле возможности приложения в деревне рабочей силы. А с другой стороны, всяческий технический прогресс в деревне означает, что известная часть рабочей силы должна быть выплеснута из деревни...». ⁽⁴⁸⁾

А далее – пример дискуссии в среде большевиков, а также образец их потрясающего цинизма.

Выступающий на съезде Рыков констатировал: «Совершенно очевидно, что превратить 40% безлошадных крестьян в лошадные, снабдив их при этом инвентарем и так далее, мы не можем даже на протяжении большого количества времени без того, чтобы, во-первых, не развивать форсированным темпом накопление в деревне и, во-вторых, направить эти накопления (денежные средства) в государственное и кооперативное начало.

При предоставлении условий для свободного накопления в кулацких хозяйствах увеличивается темп накопления во всем хозяйстве (страны), быстрее возрастает общенациональный доход, увеличиваются материальные возможности в отношении реальной хозяйственной поддержки маломощных крестьянских хозяйств, расширение возможности поглощения избыточного населения и создается, наконец, более благоприятная обстановка для роста кооперации.

Развивая *капитализм в сельском хозяйстве*, мы смогли бы в большей мере, чем до сих пор, *повернуться лицом к бедняку и середняку*.⁽⁴⁹⁾

Данное заявление вызвало бурную дискуссию, поскольку прозвучали призывы к изменению доктринальных основ, проповедуемых большевизмом. Вот что заявил **А.А.Сольц**, член президиума ЦКК и член Верховного суда СССР, выступавший с докладом *«О революционной законности»*: «Задача наша состоит в том, чтобы за всеми слоями населения обеспечить те права, которые мы считаем необходимым ему обеспечить в интересах нашего строительства. Какова роль даже кулаков и нэпманов в нашем строительстве в условиях НЭПа? Почему определенные права им даются? Потому что нам для нашего строительства их содействие, их работа *на известнейший период необходима*. Помимо своей воли они своей работой в условиях НЭПа помогают нам, так сказать, пройти переходный период подготовки к социализму. Помогают нам победить не только с оружием в руках, но победить как лучшие строители, как лучшие работники».⁽⁵⁰⁾

Здесь свое слово вставляет товарищ Сталин, который хотя и не имеет пока той власти, которой будет обладать через несколько лет, однако уже сейчас определяет свое отношение к развитию частного крестьянского хозяйства. О предоставлении доступного крестьянам сельскохозяйственного кредита и оказания помощи в создании промысловых кооперативов он заявил: «Развитие не может пойти по старому пути, несмотря на условия НЭПа, несмотря на возрождение одного частного капитала. Едва ли правы товарищи, утверждающие, что ввиду развития НЭПа мы будто бы вынуждены повторить старую историю выращивания кулака за счет массового разорения большинства крестьянства. Этот путь – не наш путь».⁽⁵¹⁾

В то время, пока партийные бонзы оттирали друг друга от корыта власти и занимались нескончаемым публичным словоблудием, крестьянство в деревне интенсивно работало, в поте лица зарабатывая свой тяжелый хлеб. И этот труд приносил реальные плоды и крестьянам, и государству.

«Говоря об урожае 1925г. Каменев, выступавший на пленуме, сообщал, что ожидается получить **4,2 млрд пудов хлеба**, то есть **больше прошлогоднего на 1,4 млрд**. На рынок пойдет 1,1 – 1,2 млрд... На экспорт следует отправить не менее 600 млн. пудов (напомним, что еще несколько лет назад этот показатель составлял всего лишь 40 млн. пудов – *наше прим.*). Остановившись на внешней торговле, Каменев заявил, что экспорт должен составить 1,1 млрд рублей, а импорт – 1 миллиард. Благодаря этому появится положительное сальдо в размере 100 млн. рублей (хотя много лет подряд бюджет был дефицитным, а торговое сальдо – отрицательным – *наше прим.*).⁽⁵²⁾

«Глава СТО Каменев в своей статье **«Об урожае»** дал следующую статистику по сельскохозяйственным зонам – Украине, Северному Кавказу, Сибири, центральной полосе России, которые свидетельствовали об одном. Примерно 60% хлеба давали государству 12% крестьянских хозяйств. 2,2 млн. крестьянских хозяйств из 19,7 миллиона произвели 1,2 млрд пудов зерна из 3,8 млрд валового сбора и дали на рынок 699,6 миллиона пудов избытков из 1,1 млрд в целом».

Российские немцы – крестьяне Поволжья в период НЭПа (1927 год)

Затем Каменев перешел к социологии, точнее – к политике. «В этой группе, – писал он, – кулацкие хозяйства составляют не более 2%, и им принадлежит 18% излишков... Поэтому середняк был, остался и, наверное, еще на долгий период останется центральной фигурой».⁽⁵³⁾

Озадаченные очевидными успехами частного крестьянского сектора, большевики не на шутку забеспокоились и озаботились перспективами построения нового социалистического общества в стране. Вот какие мысли на этот счет высказывал глава Коминтерна и питерских коммунистов Зиновьев, опубликовав в «Правде» статью **«Философия эпохи»**:

«Крупнейшей важности процессы будут зреть в ближайшие годы в нашей деревне, где на одном полюсе, несомненно, будут вызревать буржуазные факторы, а на другом – подниматься социалистические. Весь вопрос, какие опередят, как пойдет развитие...

Удастся ли богачу вновь так или иначе стать хозяином страны, или человеку труда, бедняку удастся окончательно упрочить свое господство в стране, отвоеванной им у богачей, и начать устраивать эту страну на новых началах, полностью исключая эксплуатацию человека человеком, полностью уничтожающих разделение на классы, дабы трудящийся человек мог жить, трудиться и культурно развиваться не в нищете, не в темноте.»

В завершение своих фундаментальных рассуждений, Зиновьев, естественно, давал ответ: победит не кулак, а бедняк. Человек труда». ⁽⁵⁴⁾

На фоне очевидного динамичного развития аграрного сектора России, В.Молотов признался в опасности проблем, которые неожиданно встали перед большевистской диктатурой:

«Характерно, что беднота, которая не может иной раз справиться со своим теперешним жалким клочком земли и которая местами пыталась противостоять кулакам и вначале не соглашалась с ними, характерно, что и она, не говоря уже о середняках, в конце концов, участвовала вместе с кулаками (выбирая депутатов сельсоветов). **Деревня в таких случаях представляла как бы единой и на деле оказалась под руководством кулачества.**

Наша задача – вырвать из под влияния кулачества бедноту и, что особенно трудно, вырвать из под влияния кулачества середняка деревни... Нам нужно добиться того, чтобы партия опиралась более крепко на деревенскую бедноту, привлекая гораздо ближе к себе середняков, и изолировала бы кулацкие элементы». ⁽⁵⁵⁾

В контраст процессам, происходящим в России под диктатурой большевизма, происходили события в Европе, несколько лет подряд переживающих потрясения, вызванные последствиями мировой войны и ожидаемых революционных событий, провоцируемых социал-демократическими и коммунистическими партиями в целом ряде стран Европы. Не без помощи своих большевистских покровителей и союзников. «Политическая стабилизация Европы сопровождалась и финансовой. Сходила на нет инфляция, бушевавшая с 1921 по 1924гг. в Польше и Венгрии, Австрии и Германии. Благодаря внешним займам и кредитам, они, хотя и медленно, выходили из кризиса без особых потрясений. Исключение составляла только Германия...». ⁽⁵⁶⁾

Напомним, что Германия больше остальных стран Европы пострадала от революционных событий после первой мировой войны и разрухи самой войны. Плюс – платила огромные контрибуции победителям из Антанты.

Через три месяца после 14-й партконференции и 5-го съезда Советов СССР, в сентябре 1925г. Троцкий выступил в «Правде» со статьей **«К социализму или к капитализму?»**, где рассуждал:

«Совершенно очевидно, что если бы невозможное стало возможным, если бы невероятное стало действительным, если бы мировой и в первую очередь европейский капитализм нашел новое динамическое равновесие не для своих шатких правительственных комбинаций, а для своих производительных сил, если бы капиталистическая продукция в ближайшие годы и десятилетия совершила новое мощное восхождение, то это означало бы, что мы, социалистическое государство, хотя и собираемся пересечь и даже пересекаемся с товарного поезда в пассажирский, но догонять-то нам придется курьерский.

Проще говоря, это означало бы, что **мы ошиблись в основных исторических оценках.** Это означало бы, что капитализм не исчерпал своей исторической «миссии», и что развертывающаяся империалистическая фаза вовсе не является фазой упадка капитализма, его конвульсией и загнивания, а лишь предпосылкой его нового расцвета». ⁽⁵⁷⁾

Представленный выше краткий очерк первых лет НЭПа и теоретические постулаты, разрабатываемые Е.Преображенским в рамках теории первоначального социалистического накопления, показали закономерность мышления коммунистов. Вопреки провозглашаемому марксистскому тезису, что **«практика – критерий истины»**,

большевики, видя, что реальность диаметрально расходится с проповедуемыми принципами нового общественно-экономического уклада, совершенно игнорируют данное несоответствие. Да, частный сектор активнее, эффективнее, оборотистее и, в конце концов, полезнее для хозяйства страны, чем новые принудительно создаваемые коллективные формы хозяйствования. Однако ставка все-равно делается на это социалистическое хозяйство, поскольку «доктрина» утверждает, что в будущем эта форма экономики станет более совершенной, чем частнособственническая система.

Соответственно, необходимо разобраться, почему большевики непоколебимо верили в незыблемость проповедуемой ими доктрины?

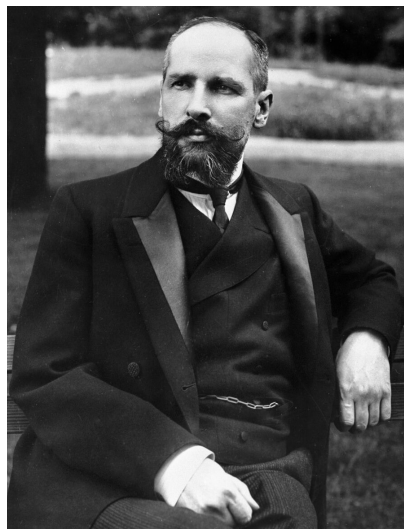
Глава 3.

Теория К.Маркса о пролетарской революции: механизм национального разделения, социального стравливания и порабощения народа организованной преступной группировкой профессиональных революционеров.

В Начале было Слово. Это определяющий источник всего сущего, в том числе самого человека. Именно через слово самовыражается и самоопределяется сознание, как отдельного человека, так и всего народа. Словом формируются и выражаются нормы, ценности и святыни, хранится традиция и в значительной степени определяется жизнь и история народа.

В общественно-политической сфере это можно трактовать в том смысле, что кто определяет язык, вкладывает смысл в понятия, кто формирует культуру, в широком понимании, тот доминирует, управляет и даже властвует над народом. Из этого же источника проистекают ценности, смыслы, общепринятые правила и жизненные идеалы, как духовные, так и бытовые, материальные. То есть, кто владеет механизмом формирования сознания, а оно функционирует, в конечном счете, посредством слова, текста – тот владеет не только материальной стороной жизни, но и всем жизненным строем человека, народа, а в пределе, и всего человечества. В общем – определяет ход истории. Это, казалось бы, сугубо теоретическое рассуждение, в применении к тоталитарным системам власти имеет ключевое значение.

Другое важнейшее основание бытия народа – это традиция и историческая память, выражающие **национальное самосознание**, без которого невозможно воспроизводство и устойчивость религиозной, общественно-политической, хозяйственной, военной, культурной составляющей, как и самой государственности. Об этом очень жестко, но честно, сказал выдающийся русский общественный деятель **Петр Аркадьевич Столыпин**: *«Народ, не имеющий национального самосознания – есть навоз, на котором произрастают другие народы»*.⁽⁵⁸⁾

Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911), премьер-министр царской России, внук князя Горчакова по линии матери, главнокомандующего русской армией в годы Крымской войны. Пережил 10 покушений, был убит террористом Богровым во время 11-го в театре Киева в присутствии императора Николая II с семьей. Был похоронен в Киево-Печерской лавре